

АЛЕКСАНДРА

И
ХРАНИТЕЛИ
МЕЖМИРЪЯ

ЛИСАВЕТА ЧЕЛИЩЕВА

18+

Лисавета Челищева

**Александра и
Хранители Межмирья**

«Автор»

2026

Челищева Л.

Александра и Хранители Межмирья / Л. Челищева — «Автор»,
2026

Александра приехала в Венецию за лекциями по искусству и ароматным кофе. Она не искала приключений — они нашли ее сами. Одна случайная вечеринка студентов, один неверный шаг — и она попадает на бал хранителей, куда съезжаются жители миров, где все ещё существует магия. На балу она узнаёт правду: колдуны, грифоны и оборотни реальны. И они столетия ждали появления последнего хранителя Межмирья — того, чья кровь запечатает врата в темный мир навсегда. К ужасу Александры, все признаки указывают на неё.

© Челищева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лисавета Челищева

Александра и Хранители Межмирья

Глава 1

Турин пекся под августовским солнцем, что лилось с неба расплавленной бронзой. Цикады трещали в густых кронах каменных дубов, словно разогретый шепот самой земли. Воздух, густой от влаги и запаха нагретого асфальта, цветущего жасмина и далеких гор, колыхался над виллой Каstellи.

Арчи провел ладонью по капоту «Альфы-Ромео», оставляя на пыльной поверхности влажный блестящий след. Работа была скучной, монотонной, но в этой монотонности таилось редкое умиротворение. Родители ушли на барбекю к соседям, в прохладную полутьму старинного палаццо, оставив Арчи с сестрой во власти солнечного угара.

— Скучища-то какая, — голос Эли прозвучал с другой стороны машины. Она обошла ее, грациозная, как кошка, в простых шортах и майке, уже мокрой от брызг. — Можно сойти с ума от этого скрипа тряпки!

Арчи лишь хмыкнул, но тут заметил, как в ее зеленых глазах вспыхнул знакомый озорной огонек. Девушка кивнула в сторону старого транзисторного радио, стоявшего на подоконнике кухни.

— Не-ет, — Арчи покачал головой, но сам не мог сдержать улыбки. Он провел рукой по волосам цвета темного песка, откидывая выбившуюся прядь с глаз. — Все соседи же услышат. Мама с папой тоже.

— А нам есть дело? — Эли игриво скривила губы, делая шаг к окну. Ее движения были плавными, почти танцующими. — Есть дело, Арчи?

Парень беспокойно переступил с ноги на ногу, скрестив мускулистые загорелые руки.

— Полагаю, мы никому не помешаем, — неуверенно пробормотал он, бросая взгляд вокруг залитого солнцем двора.

— И ты прав, братец мой! — Эли рассмеялась, и ее смех слился с треском цикад.

Она щелкнула переключателем, и из динамика полилась медленная, сладкая мелодия. Что-то из семидесятых, про любовь, про морской берег и разбитые сердца. Песня «Море в твоих глазах» в исполнении забытой ныне дивы Милены Виттори. Голос был бархатным, полным томной грусти.

Эли закружилась, проводя тряпкой по крыше машины в такт музыке. Ее тонкий стан изгибался, босые ноги отбивали легкий ритм по нагретой брусчатке. Арчи замер, забыв про тряпку и мыло. Он просто смотрел на нее, и в его янтарных глазах отражалось не только солнце.

— Это машина, а это... швабра, Арч, — пропела она, пародируя строчку из песни, и, рассмеявшись, брызнула на капот водой из шланга. — Работай, работай!

Брызги, сверкая радугой, попали ему прямо в лицо. Парень моргнул, словно выходя из транса.

— Давай, Арчи! Шевели булками, а то родители вернутся и придумают что-нибудь еще более скучное! — подгоняла Эли, продолжая танцевать.

— А тебе разве уже не весело? — приподнял он бровь.

— О, я просто мастерски притворяюсь, — она пожала плечами, и улыбка на ее лице на миг стала натянутой, словно маска. — Я всегда притворяюсь.

— Я так и думал.

Смех Эли оборвался. Танец был поставлен на паузу.

— И что именно ты «думал»?

Арчи перевел на нее спокойный взгляд. Под этим взглядом она слегка поежилась.

— Что именно? — повторила она, оперевшись ладонями о теплый капот и наклонившись к нему.

— Что ты часто притворяешься, Эл... Я знаю, что ты врешь родителям, — бросил он небрежно, и солнце вспыхнуло в его глазах, сделав их почти золотыми.

Эли замерла, как зверек, учувший опасность.

— Насчет чего это?

— Хватит уже. Ты знаешь о чем. Мы оба знаем, что у тебя нет никакого парня. Никогда не было. Но ты продолжаешь рассказывать им, что ходишь на свидания с каким-то Марко из университета.

Девушка сжала губы, но выдержала нравоучительный взгляд брата.

— Спасибо, что в очередной раз напомнил, какая я великая лгунья, мой дорогой братец, — проговорила она с подчеркнутой язвительностью, закатывая глаза.

Арчи поморщился, точно от физической боли.

— Не называй меня так. Мне не нравится, как это звучит.

Эли широко улыбнулась, делая шаг к нему.

— Как скажешь, дорогой мой... братец! — она передразнила его интонацию.

В следующее мгновение мир для нее перевернулся. Арчи с рычанием подхватил ее и ввалил к себе на плечо, как мешок с мукой, и закружился посреди двора. Автоматическая система полива в этот момент щелкнула и ожила, и струи холодной воды окатили их с головы до ног.

— Прекрати! Голова кружится, Арчи! — визжала Эли сквозь смех, барабанила кулаками по спине брата.

— Вот и отлично! Назови еще раз меня «дорогим братцем» — и мы устроим новый виток этого аттракциона! — проворчал он, но в его голосе тоже звенела безудержная веселость.

— Ладно, ладно! Опустит уже! Арчи!!

В окне соседского палаццо, за тяжелыми шторами, стояли Филип и Мария Каstellи. Они смотрели, как их дети, уже совсем взрослые, резвятся под струями воды, как два перепачканных водой щенка. Арчи наконец поставил Эли на ноги, и она, вырвавшись, обрызгала его с ног до головы из шланга и бросилась бежать за дом. Он, отряхивая мокрые волосы, помчался за ней со всех ног.

Мария нежно прижалась к мужу.

— Мы сделали самый правильный выбор в жизни девятнадцать лет назад, Филипп, — прошептала она. — Помнишь тот день?

— Помню, — он обнял ее, сощутив глаза, и погрузился в воспоминания. — Она лежала под старым мхом у подножия дуба в нашем лесу... Маленький сверточек. Пищала, как промокший котенок.

Женщина содрогнулась.

— Мне до сих пор снятся кошмары, Филипп. Кто мог быть настолько жесток, чтобы вот так бросить младенца?... Иногда я ловлю себя на мысли... а что, если ее подкинули нам не просто так? Какая за этим история?

— Тише, Мария, — мужчина привлек ее ближе, глядя по волосам. — Для меня тот день был одним из самых светлых. Мы нашли ее. Мы дали ей дом. И Арчи... он с первого взгляда принял ее, как родную. Как только он взял ее на руки, она перестала плакать. Помнишь?

Мария кивнула, уткнувшись лицом в его плечо.

— Конечно. Как будто это было ещё вчера...

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ

Арчи догнал Эли у старого дуба в глубине сада. Ловко подставил ей подножку, и она с визгом повалилась на мягкий, влажный от полива газон.

— Жулик! Нечестно! — фыркнула она, сердито хмурясь.

Парень рассмеялся, приближаясь к ней с не отцепленным шлангом.

— Ты что-то сказала про жульничество? Не расслышал... Повторишь?

— Не смей! — зашипела она, но было уже поздно.

Струя ледяной воды хлестнула ее по лицу. Эли залилась смехом, устало опустив руки, защищавшие лицо. Она откинула голову на мокрую траву, глядя в бездонное синее небо. В луже у ее виска плавала радужная пленка бензина, превращая обычную воду в магический калейдоскоп.

— Видишь это?... Радугу, — она указала пальцем в небо, но Арчи уже заранее понял, о чем она.

Он усмехнулся, опускаясь на колени рядом, как будто с его высоты действительно было не разглядеть.

— Нет. Похоже, она светит только для тебя.

— А ты ложись рядом. Увидишь! — она улыбнулась ему, и Арчи замер, в его глазах промелькнула тень борьбы. Потом медленно, почти неловко, он растянулся на мокрой траве рядом, стараясь не касаться сестры.

Эли без слов положила свою руку поверх его, сплетая их пальцы. Арчи закрыл глаза, и все напряжение разом покинуло его плечи.

— Ну что? Видишь теперь? Красота, правда? — она повернула голову, и их взгляды встретились. Они лежали бок о бок, разделенные сантиметром травы и целой вселенной невысказанного.

— Да... Красота. Спасибо, — прошептал он.

— За что? — искренне удивилась она.

Арчи взглянул на нее. На длинные волны каштановых волос, растрепанных и мокрых, на смеющиеся зеленые глаза и... на ее губы.

— За эту беззаботность. Мне это было нужно... больше, чем ты думаешь.

Эли улыбнулась, легкомысленно коснувшись костяшками пальцев его щеки.

— Я знаю, братец... Ну ладно, я побежала! Машина сама себя не домоет! — она игриво подмигнула ему, не заметив, как его лицо стало темнее и печальнее. Эли вскочила на ноги, убегая к дому.

Арчи остался лежать, уставившись в небо. Потом сдавленно выругался себе под нос и ударил кулаком по земле, взметнув брызги воды и травинки.

«Сколько можно, — подумал он, глядя на свою растянувшуюся по траве темную копию, которая, казалось, жила своей жизнью, будучи чуть длиннее и тоньше. — Что ты со мной делаешь?»

— Карлотта наконец-то дала мне задание!! Представляешь?! — Эли вернулась, сияя, с двумя банками газировки в руках. Протянула одну ему.

— Тебе?... Задание? Какое? — Арчи приподнялся на локтях, и на его лице отразилось недоверие, смешанное с тревогой.

— Ну-у... Не сложное. Просто встретить кого-то важного через две недели и передать что-то. Вот и все, — она пожала плечами, щелкнув кольцом банки. — Но задание, как я поняла, важное. Круто, да?

— Ты... и важное задание? — он намеренно поддразнил ее, но в его глазах не было веселья.

— Я должна обидеться? — нахмурилась девушка.

— А когда ты не обижаешься? То есть...

— Поняла, поняла... Ты просто ревнуешь, что задание дали мне, а не тебе! — саркастически фыркнула она.

— Можно и так сказать. Если это не обижает тебя, то да...

— Меня не может обидеть то, что ты говоришь. Просто посмотри на свое лицо, — она брызнула пеной из банки в его сторону. — Смешное и жалкое... Жалко-смешное!

— Ага, ага... — он стер пену с подбородка. — Ладно, что за задание-то? Оно безопасное?

— Безопасное, как прыжок с парашютом, полагаю... Никогда не знаешь наверняка! Это же Карлотта...

Арчи схватил Эли за запястье и притянул к себе. Вскинул подбородок, окидывая ее напуганное лицо строгим взглядом.

— Я спрашиваю тебя, Эл. — его голос стал более напряженным. Янтарные глаза впились в нее с грузом беспокойства. — Оно. Это задание. Безопасное?

— Расслабься! Со мной ничего не случится! — попыталась вырваться она, но его хватка лишь усилилась.

Он смотрел на нее, и в его взгляде было что-то древнее, не принадлежащее двадцатичетырехлетнему парню.

— Ты уходишь от ответа.

— Серьезно, Арчи? Я уже не ребенок! Мне почти двадцать, а ты все еще обращаешься со мной, как с шестилетней сестренкой!

— При чем здесь «сестренка»? Ты не понимаешь, — прошипел он так тихо, что она едва слышала. — Я просто должен быть уверен, что ты будешь в безопасности на этом задании.

— Именно поэтому Карлотта никогда не воспринимала меня всерьез! Никогда! Мне никогда не давали серьезных поручений! Всё только тебе достается! С тех самых пор, как... с тех пор! И все благодаря тебе! Вечно переживаешь за мою жизнь! А я просто хочу, чтобы меня принимали наравне со всеми! Я понимаю, я не такая, как вы все... Я не настоящий Хранитель. Но я хотя бы могу помочь с чем-то!

— Вот именно. Слышишь себя? Ты не Хранитель. Ты хрупкая, и тебя нужно беречь от всей этой... грязи, с которой Дом имеет дело каждый день! Ты...

— Ты! Ты!... Поняла уже! Хватит указывать на мою инаковость! Я не особенная, но я хотя бы могу это принять. А ты!... Отстань от меня!

Она дернулась и на этот раз вырвалась. В ее глазах блеснули слезы злости и обиды. Арчи опустил руку, чувствуя, как по ней пробежала знакомая, леденящая мурашками пустота. Его тень на траве дернулась и замерла, неестественно вытянувшись в сторону убегающей девушки.

Как бы быстро они не ссорились, мирились они гораздо быстрее. Через час Эли и Арчи уже мчались на его стареньком «Мото Гуцци» по дороге к лесному озеру. Ветер свистел в ушах, срывая слова. Эли сидела сзади, крепко обняв его за талию, прижавшись щекой к его спине. Гнев растаял, осталась только привычная, горьковатая нежность.

И тогда она увидела. Над ними, в еще синем, но уже густеющем предвечернем небе, замигали звезды. Неяркие, призрачные, будто сквозь тонкую вуаль. А потом одна из них — крошечная, яркая точка — сорвалась и прочертила по лазури длинный серебряный шрам.

Падающая звезда.

Эли быстро зажмурилась и прошептала что-то, заглушаемое ревом мотора и ветром. Это было ее самое сокровенное желание.

— Что ты там шепчешь? — крикнул Арчи, слегка повернув голову.

Она приоткрыла глаза. Впереди, между елей, засияла зеркальная гладь озера. А в небе уже не было ни одной звезды, будто и не бывало.

— Я загадывала желание на падающую звезду! — крикнула она в ответ, смеясь, и прижалась к нему еще крепче.

— ...Какое?

— Чтобы ты наконец перестал хмурить свои красивые бровки и стал чуточку счастливее!
— солгала она легко и естественно.

Но в тайнике ее сердца, куда не доставали даже его всеслышащие уши, звучало иное: «Чтобы я была не найденышем в лесу, а той, чье имя будет начертано среди хроник хранителей. Хочу быть одной из них!».

Глава 2

АЛЕКСАНДРА

Звезда упала за секунду до того, как я осознала это. Одна из тех дерзких, что показываются в белую ночь, будто прокалывая бледную вуаль неба иглой. Я сидела на холодном подоконнике балкона своей спальни, поджав ноги, и смотрела, как над крышами дореволюционных особняков на Васильевском острове тянется сизая полоса рассвета. Лето в Питере — обманчивая вещь. Оно пахнет нагретой пылью, речной сыростью и иллюзией свободы. А в голове — гул. Постоянный, навязчивый гул, как от дальнего трансформатора. В нем тонули голоса из соседней квартиры, скрип трамвая на Среднем проспекте, крики чаек где-то вдалеке. И ему вторил другой шум — мой внутренний. Тот, что приходил каждый день с новыми снами уже более полугода.

В том сне я всегда тонула. Это было самое яркое ощущение. Легкие наполнялись не воздухом, а чем-то плотным, прохладным, живым. И вместо паники приходило странное, пугающее спокойствие. Я могла дышать под водой. А вокруг, в темной гуще, шевелились тени, и одна из них — длиннее и чернее прочих — тянулась ко мне, почти касаясь, но почему-то не смея дотронуться.

Я вздрогнула, стараясь отогнать этот образ от себя. В руке был блокнот, на странице — карандашный набросок моего ретривера, Барона. Он лежал у моих ног, тяжело дыша, и во сне смешно подрагивали его рыжие брови. Я обвела контур его лапы, стараясь думать только о линиях, о бумаге, о реальности грифеля. Рисование по ночам было моим единственным способом отвлечься от кошмаров.

Неожиданно чуть левее шпилья Кунсткамеры что-то сверкнуло. Серебряная линия — быстрая, яркая. Падающая звезда!

Надо было наспех загадать желание. Сердце екнуло по-глупому, по-девчачьи от того, что пришло в голову. В следующем году мне исполняется двадцать, и я прочла о любви гораздо больше, чем некоторые в моем возрасте. «Анна Каренина», «Гордость и предубеждение», тонны переводных романов с бакалейными обложками. Я знала все теории любви, все ее сюжеты, катастрофы и восторги. И ни капли практики за спиной... Лишь надежда, что когда-то она, возможно, появится.

Я зажмурилась, прижала ладонь к оконному стеклу и загадала, быстро, пока не передумала: «Пусть это случится. Пусть я узнаю. Пусть это будет ярко, больно, действительно. Пусть он... найдет меня».

Я открыла глаза. Небо было пустым и равнодушным. Барон рядом вздохнул во сне. Гул в голове на секунду стих, сменившись тишиной, от которой зазвенело в ушах.

Утром на кухне пахло кофе и старой древесиной. Мама стояла у окна, заложив руки за спину в своем привычном жесте — позе капитана на мостике. Ее профиль, четкий и гордый, был обращен к утренней Неве. В нашем доме все было немного музеем: фамильное серебро, портреты незнакомых важных предков в золоченых рамах, тишина, впитавшая поколения разговоров на французском и шелест кринолинов.

— Доброе утро, мам.

Она обернулась, и ее лицо, обычно собранное, смягчилось. Но в глазах оставалась та самая, вечная озабоченность.

— Зайка, а я уже хотела идти, будить тебя. Пойдем завтракать? — она сделала шаг к плите, но движение было неуверенным. Моя мама, блестяще ведущая переговоры с иностранными музейными фондами и чиновниками, на кухне всегда чувствовала себя потерянной.

Я села за стол, обхватив чашку с уже остывшим чаем.

— Мама, ты же знаешь, что ты не обязана готовить. Мы можем просто... съесть что-то несложное.

Она махнула рукой, и в этом жесте вдруг проглянула та, другая женщина – молодая, смешливая.

— Признайся, что просто изначально хотела мою знаменитую яичницу.

— Которая со скорлупой иногда?

Я не удержалась и рассмеялась.

Мама фыркнула, но села напротив, отодвинув идею готовки. Налила себе кофе. Я отвлеклась на вид из окна. Там пролетала чайка. Свободная, грациозная.

— Ты меня вообще слушаешь?... Саша?

Я оторвалась от созерцания трещинки в старинной фарфоровой чашке.

— М-м? Да, мам?

Мама вздохнула, поставила чашку с тихим стуком.

— Ты, наверное, уже догадалась. Или нет... Мне нужно с тобой поговорить. Неделю назад я говорила с твоей бабушкой Карлоттой.

Мое сердце замерло. Бабушка Карлотта жила в Венеции. В старом палаццо с прекрасным видом на воду. Ее звонки всегда радовали меня.

— Она говорит, погода в Венеции этой осенью будет изумительной, — продолжила мама, глядя куда-то мимо меня. — Настоящая золотая осень. Не то, что здесь – сплошной дождь и слякоть до самого снега. Ты будешь учиться в Ка'Фоскари один семестр, это прекрасный университет. Твой студенческий обмен – это... шанс. Для всего.

Я нервно сощурилась. «Для всего»?

— Мама, что случилось?

— Ничего не «случилось», — она поправила невидимую пылинку на скатерти. — Просто... Карлотте нужна помощь этой осенью. Новые глаза в её музейных делах. Она стареет. К сожалению.

Мне стало холодно. Я думала, мои сны и этот навязчивый шум в ушах – просто переживания перед учебой. Но, возможно, это был знак к переменам.

— Так это... будет не просто учеба? — спросила я тихо. — Надо будет подрабатывать у бабушки?

— Думаю, что она будет очень признательна тебе за это, — голос мамы стал мягким. — Но будет и шанс развлечься в Венеции. Упасть в обморок на мосту Вздохов от поцелуя какого-нибудь красивого итальянского мальчика...

— Ну, мам!

— Хорошо-хорошо. Просто бабушка очень настаивает. А я... Я хочу, чтобы у тебя были самые прекрасные воспоминания от твоего студенчества. А что может быть лучше семестра в самом романтичном городе в Италии?

Она потянулась через стол и положила свою холодную, тонкую руку поверх моей. Ее взгляд стал прямым, пронзительным.

— Ты видела падающую звезду сегодня утром, да? Знаю, что не спала, как и я. Как обычно рисовала?

Я кивнула, закусив щеку от улыбки.

— Видела.

— Я тоже. Что загадала?

Я покраснела, опустив глаза.

— Глупость. Девчачью ерунду.

— Ничего глупого в наших желаниях нет, — мама сказала как-то странно серьезно. — Ведь они имеют привычку сбываться. Иногда слишком буквально. Но это самая реальная магия жизни. Круто же?

Последние недели лета пролетели как один длинный, тревожный сон. Петербург начал отдавать свои краски – белые ночи пожелтели, потом посерели. Я упаковывала чемоданы, словно собиралась не в Венецию на учебу, а в долгий поход в Сибирь. Книги по искусству, теплые свитера (бабушка говорила, что в палатки сквозняки), свои любимые безделушки, чтобы там было как дома. И маленький, завернутый в бархат, дневник моей прабабушки Веры, которую я тайком взяла из библиотеки. Его страницы были заполнены не только стихами, но и странными схемами, похожими на маршруты каналов, и пометками о «тенях на воде» и «молчании львов». Возможно, бабушка Карлотта поможет мне его расшифровать...

Прощание с мамой было тихим. Отец молча обнял меня у лифта. Мама провожала до аэропорта, и ее лицо в свете тусклых ламп Пулково казалось мне опечаленным. Я крепко обняла её на прощание и пообещала звонить каждый день и присылать фото местных красот и себя в них.

Самолет рванул в небо, прочь от самого красивого города на земле. Я быстро заснула. За окном была мрачность и тряска здорово укачивала. Проснулась лишь когда стюардесса объявила о начале снижения. Внизу, под крылом самолета, лежала не земля, а сияющая, изумрудная гладь, пронизанная золотыми нитями протоков. Венеция... Она не была похожа ни на один город на свете. Она выглядела как мираж, как ошибка географии, как чей-то прекрасный, заброшенный аквариум.

В аэропорту Марко Поло пахло кофе, дорогим парфюмом из бутиков и сигаретами. Я, как во сне, прошла паспортный контроль, получила багаж. Потом была поездка на шаттле до вокзала, и первое потрясение – вапоретто. Венецианский речной трамвай. Грохот мотора, соленый ветер в лицо, крики чаек, которые были здесь другими, не питерскими – более наглыми и жирными, — все это было потрясающим.

Я стояла на корме, сжимая в руке проездной, и смотрела, как Большой Канал разворачивается передо мной, как пышный, слегка облезлый театральный занавес. Палатки в стихах и на фотографиях были одним. В жизни – другим. Они выросли прямо из воды, их разноцветные, облупившиеся фасады отражались в темной, маслянистой глади, смешивая реальность с иллюзией. Воздух звенел от звона колоколов местных церквей, криков гондольеров и того самого, знакомого гула, который здесь стал громче, обрел плоть – это был гул самого города, дышащего водой и временем.

Я вдыхала этот странный, солоно-сладкий воздух и думала о звезде, пойманной над Невой две недели назад. О своем желании. О том, что где-то здесь, в этом лабиринте из воды и камня, меня может ждать что-то захватывающее. Я верила в это всем сердцем. И я уже сделала свой первый шаг навстречу.

Я стояла на причале, сжимая ручку чемодана до побеления костяшек. Люди толкались вокруг, речь звучала на десятке языков, я чувствовала себя абсолютно не в своей тарелке. Бабушка Карлотта обещала прислать кого-то встретить меня.

«Ищи девушку с каштановыми волосами и зелеными глазами, в черной футболке с эмблемой академии», – сказала она по телефону голосом, в котором смешались нежность и привычная командирская твердость.

И вот она появилась. Не из толпы, а как будто материализовалась из тени старого кирпичного здания арсенала. Стройная, подвижная, с взглядом, который моментально все сканировал и оценивал. Ее волосы действительно отливали медью, а глаза были цвета морской волны – яркие, живые, но с какой-то глубинной, недетской усталостью. На футболке красовался стилизованный крылатый лев, обвивающий лиру.

— Александра?... Я Эли. Карлотта прислала меня. Давай твою поклажу, поторапливайся, следующий вапоретто на Мурано через пять минут.

Она ловко выхватила у меня чемодан на колесиках, не дав опомниться, и быстрым шагом направилась к причалу. Мне пришлось почти бежать, чтобы поспеть.

— Спасибо, что встретили, — выдавила я, запыхавшись.

— Пустяки. Мое первое серьезное поручение, — она бросила мне через плечо улыбку, но в ней было больше нервозности, чем радости. — Я не подведу Карлотту.

Мы втиснулись на борт длинного, узкого вапоретто. Эли уверенно прошла к корме, к самому ветру. Она поставила мой чемодан и облокотилась на поручень, вглядываясь в удаляющийся силуэт города. Я встала рядом.

— Вапоретто — моя любимая вещь в этом городе, — неожиданно сказала она, не обращившись ко мне.

— ...Почему? — спросила я, удивленная ее задумчивым тоном.

— Почему?... Да потому что ты можешь сесть на этот кораблик и уплыть отсюда так далеко, как только возможно... Особенно сейчас, в августе. Слишком много туристов.

— ...А в не туристический сезон тебе нравится здесь? — уточнила я, пытаюсь поймать ее взгляд.

Девушка наконец повернулась ко мне. В ее зеленых глазах плескалась какая-то сложная, горьковатая смесь эмоций.

— Не особо. Это... не мой дом. А местные красоты быстро поднадоедают.

— А откуда ты сама?

— Мы со сводным братом из Турина, — ответила она явно отрепетированную фразу. — Мы только здесь ради Академии.

«Академии». Она произнесла это слово с большой буквы, я это почувствовала. Не «университет», не «колледж». Именно «Академия». Та самая, где училась мама, где теперь преподает бабушка Карлотта. Та, про которую в семье говорили с придыханием и легкой таинственностью, но никогда — подробно.

Я кивнула, делая вид, что все поняла. Но внутри все замерло от предвкушения какой-то тайны. Что-то было не так... В ее осанке, в этом слишком остром взгляде, сканирующем не только меня, но и других пассажиров, в том, как она чуть наклонила голову, слушая не меня, а какие-то далекие звуки — шум мотора, плеск воды, обрывки чужих разговоров. Эли слушала так, будто разбирала сложную симфонию.

Вапоретто вырвался в открытую лагуну. Ветер усилился, завывая в ушах. Город остался позади, превратившись в игрушечный мираж на воде. Мы направлялись к одному из северных островов, не к туристическому Мурано, а дальше, к тихому, богатому острову, где, как говорила мама, у бабушки было «фамильное гнездо».

— Ты учишься на искусствоведа? — спросила я, чтобы разрядить молчание.

Эли усмехнулась, и это было странно — беззвучно, только уголки губ дрогнули.

— Что-то в этом роде. Специализация по... акустике. Звук, резонанс, частоты. — Она посмотрела на меня, выискивая усмешку, но не нашла. — Голос, например, может рассказать о человеке все. Напряжение в связках, микродрожание в тоне, обертоны... Представляешь? По нему можно диагностировать болезнь, распознать ложь, услышать подавленный страх.

— Ничего себе... — прошептала я. — Никогда не слышала о существовании такой специальности.

У меня по спине пробежали мурашки. Мой собственный голос внезапно показался мне слишком громким, слишком уязвимым.

Через полчаса мы сошли на причал, заросший диким виноградом. Отсюда вела вверх, в зелень садов, узкая вымощенная камнем дорожка. В воздухе пахло хвоей и морем.

Палаццо ди Квези — фамильное владение Карлотты — не бросалось в глаза роскошью. Это было строгое, вытянутое вверх здание из темного кирпича, с высокими узкими окнами

и квадратной зубчатой башней. Но сразу чувствовалась его древность, его основание в этой земле и в этом времени.

Каменные ворота были распахнуты. И за ними открывалась картина, от которой у меня перехватило дыхание.

В тенистом внутреннем саду, на идеально подстриженном газоне, в тишине, нарушаемой лишь шелестом листьев и пением птиц, двигалась группа людей. Их было человек десять, молодых, в спортивных костюмах. Они совершали плавные, синхронные, невероятно точные движения, медленно перенося вес с ноги на ногу, описывая руками в воздухе сложные фигуры. Это напоминало какую-то восточную гимнастку, но в их движениях была и какая-то дополнительная, почти математическая выверенность. А в центре группы, задавая ритм этому безмолвному танцу, стояла моя бабушка.

Карлотта в жизни оказалась еще более внушительной, чем на фотографиях. Высокая, прямая как кипарис, с седыми волосами, собранными в строгий узел. Ее лицо, иссеченное морщинами, было лицом полководца или верховной жрицы. Но когда она увидела меня в воротах, это лицо преобразилось. Суровость растаяла, уступив место теплой, искренней радости. Она плавно завершила движение, сделала едва заметный жест рукой — и вся группа, как один организм, замерла, а затем так же плавно и бесшумно распалась, молча скрывшись в боковых дверях палатки.

— Сашенька моя! — бабушка широко раскрыла объятия. Я бросилась к ней, и внезапно на глаза навернулись слезы — от усталости, от напряжения, от этого внезапного ощущения дома.

— Здравствуй, бабушка.

— Добро пожаловать, моя девочка. Наконец-то. — Она отстранилась, держа меня за плечи, и внимательно посмотрела в лицо. Ее глаза, такие же серые и пронзительные, как у мамы, видели, казалось, все. — Ты очень похорошела. Совсем взрослая стала.

Потом она обернулась к Эли, которая стояла в почтительной позе, держа мой чемодан.

— Элиза. Блестяще выполнено. Спасибо, что доставила мою внучку в целости и сохранности. Ты наша будущая правая рука, я это чувствую.

Лицо Эли вспыхнуло от гордости и счастья. Она выпрямилась, словно получила высшую награду.

— Благодарю вас, Карлотта. Всегда к вашим услугам.

— Останешься на ужин? — спросила бабушка.

— Благодарю за честь, но не могу. У моего брата сегодня соревнования по легкой атлетике. Я обещала его поддержать.

— Конечно. Передай Арчи удачи от меня. И еще раз спасибо.

Эли кивнула, бросила мне быструю, чуть загадочную улыбку и исчезла за воротами так же стремительно, как и появилась.

Бабушка провела меня внутрь дома. Интерьеры были сдержанно-роскошными: темное дерево, потертый шелк обивки, старинные гобелены, изображавшие сцены охоты, и повсюду — книги. Горы книг. На полках, на столах, на подоконниках.

— Саша, познакомься, пожалуйста. Это Барнаби, наш главный управитель, — представила бабушка пожилого, щеголеватого мужчину с идеально подкрученными седыми усами и пронзительным взглядом. — Он родом из Англии, служит нашей семье уже сорок лет. Все, что тебе понадобится, — обращай к нему.

Барнаби склонил голову в почтительном поклоне, но его глаза, умные и всевидящие, мгновенно меня «отсканировали».

— Мисс Александра, добро пожаловать. Ваша комната готова.

Комната, отведенная мне, была огромной, с высоким кессонным потолком и окном от пола почти до потолка, выходящим в сад и дальше, к темной полосе леса на краю острова.

Бабушка показала мне дом, рассказывая об истории каждой картины, каждого предмета. Говорила об университете, где мои занятия начнутся через три дня. Рассказала про этот остров — тихий, закрытый, где живут старые аристократические семьи, дипломаты, богатые иностранцы.

«Здесь свои правила, Саша. И своя тишина. Прислушайся к ней».

Ужин был тихим, почти семейным. Подавали его в небольшой столовой при свечах. Барнаби появлялся и исчезал бесшумно, как тень. Бабушка расспрашивала о маме, о Петербурге, о моих планах. Но за ее вопросами я чувствовала зондирование, попытку понять, готова ли я... к чему? К чему-то большему, чем просто семестр по обмену?

После ужина я поднялась в свою комнату и наконец распаковала вещи. Потом позвонила маме по видео. Ее лицо на экране казалось усталым, но чем дольше мы разговаривали, тем больше она расслаблялась.

— Ну как? Как бабушка? Как дом?

— Мам, он... огромный. И бабушка... Она какая-то... очень властная. И здесь все так странно. У нее ученики, они занимались в саду чем-то вроде йоги, но это было не то... И одна девушка, Эли, которая меня встретила... Она говорила о голосе как о диагностическом инструменте... Здесь что-то вообще очень много странного, мам.

Мама помолчала, и ее улыбка стала немного напряженной.

— Бабушка Карлотта — уникальная женщина. У нее... своеобразные методы преподавания. А академия у нее специализированная, туда попадают очень одаренные студенты. Необычные. Присматривайся, дочка, учись. Это бесценный опыт.

Мы поболтали еще немного, но я чувствовала, что мама что-то недоговаривает. Так же, как и бабушка. Так же, как эта странная, слишком пронизательная Эли. Будто они все что-то знают об этом месте, чего не знаю я.

Я приняла душ, смывая с себя дорожную пыль и ощущение нереальности происходящего. Надела пижаму, выключила свет и подошла к огромному окну. Здесь, вдали от огней города, звезды были ослепительными. Они сверкали в черной бархатной чаше неба, такие яркие, что, казалось, можно дотянуться рукой.

Я стояла, глядя на них, и пыталась унять странное беспокойство, клубившееся под ложечкой. Гул в голове здесь почти стих, сменившись другим звуком — глубокой, живой тишиной острова, нарушаемой лишь шелестом листвы и далекими цикадами.

И тут я увидела его.

Вдалеке, на освещенной лунным светом лесной тропинке, что вела вдоль берега небольшого пруда, мелькнула фигура. Кто-то бежал. Легко, стремительно, с грацией дикого животного. Это был юноша. Высокий, стройный, в темных шортах и толстовке. Его волосы, светлые даже в этом призрачном свете, отбрасывали серебристые блики. На ушах — наушники. Он занимался бегом.

Но время на моем телефоне показывало без четверти три ночи.

Кто бежит в три часа ночи по темному лесу?

Незнакомец приближался, его маршрут, казалось, пролегал недалеко от ограды нашего сада. Я невольно прижалась лбом к прохладному стеклу, пытаюсь разглядеть детали. Он был... красив. Неприлично, скульптурно красив. Каждое движение дышало силой и совершенным контролем.

И вдруг, почти поравнявшись с домом, он резко замедлил бег, перешел на шаг. Остановился, делая вид, что растягивает мышцы. Его грудь сильно вздымалась, он повернул голову к дому.

И тут его взгляд точно нашел меня в темном окне. Уставился прямо на меня, сквозь стекло и расстояние, будто знал, что я здесь, будто ждал этого.

Ледяная волна страха ударила мне в грудь. Я инстинктивно присела, спрятавшись за подоконник. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его было слышно на весь остров. Я сидела на полу, обхватив колени, и боялась пошевелиться.

Через минуту, осторожно, я приподнялась и выглянула наружу.

Тропинка была пуста. Никого. Только лунная дорожка дробилась на темной воде пруда и ветер качал верхушки сосен. Словно того ночного бегуна и не было вовсе... Словно это была еще одна тень, порожденная моей усталостью и напряжением этого странного дня.

Но я знала, что видела его. И я знала, что он видел меня.

А на камнях тропы, там, где стоял незнакомец, лунный свет выхватывал из темноты длинную, неестественно вытянутую черную тень, которая на секунду задержалась, прежде чем раствориться, будто втянутая обратно в землю.

Глава 3

Следующие два дня я потратила на то, чтобы не сойти с ума от тишины. Бабушкин палатко был похож на прекрасно сохранившийся саркофаг: прохладный, полный шепота прошлого, но мертвенно-неподвижный. По утрам в саду снова проходили те странные занятия — группа молодых людей и девушек в униформе из серого льна двигалась в беззвучном, гипнотическом ритме. Я наблюдала за ними из окна своей комнаты, и каждый раз меня охватывало чувство, будто я подсматриваю за ритуалом какого-то забытого культа. Барнаби появлялся только чтобы предложить завтрак или ужин, его лицо было вежливой маской, за которой ничего нельзя было прочесть. Бабушка Карлотта постоянно исчезла в своих апартаментах на втором этаже, говоря, что погружена в подготовку к началу семестра.

На третий день я не выдержала. После завтрака, состоявшего из идеального итальянского кофе и булочки бриошь, которая, казалось, вздыхала от скуки, я надела простые джинсы, кроссовки и легкую куртку, сунула в рюкзак карту, воду и блокнот, и вышла за ворота. Мне нужно было движение, шум, люди. Мне нужно было увидеть Венецию, а не ее элитную, законсервированную периферию. Бабушка одобрила мою затею с прогулкой по городу, но при условии, что со мной будет Эли. Я согласилась.

Остров оказался больше, чем я думала. Дорога вилась между высокими каменными заборами, за которыми угадывались сады с кипарисами и плакучими ивами. Изредка попадались виллы в стиле либерти — причудливые, с витражами и коваными балконами, но все равно закрытые, отчужденные. Я дошла до небольшой площади с церковью в стиле барокко, где несколько пожилых женщин в черном что-то живо обсуждали, бросая на меня беглые, оценивающие взгляды. Я ускорила шаг, свернула в узкий переулок, ведущий к воде, и вскоре вышла на набережную, откуда каждые полчаса отходил вапоретто в сторону исторического центра.

Город, плывущий навстречу, снова ошеломил меня. Но на этот раз я старалась больше вглядываться в детали: в трещины на розовой штукатурке, в зеленые подтеки на фасадах от постоянной сырости, в рыбацкие лодочки, привязанные к скрипучим сваям. Венеция дышала. И это дыхание было затхлым, соленым, древним.

В назначенное время я встретила Эли у моста Академии. Она ждала, прислонившись к перилам, и снова поразила меня своей способностью казаться невидимой в толпе, пока сама не захочет быть замеченной. На ней были черные узкие джинсы, кожаная куртка поверх серой майки и потрепанные кеды. В ухе поблескивало маленькое серебряное кольцо.

— Ну что, наследница рода Ди Квези, готова к погружению в историю? — спросила она с небольшой иронией.

— Только если это не погружение в очередную тишину бабушкиного сада, — парировала я.

Эли фыркнула.

— Тишина — это роскошь, которую здесь мало кто может себе позволить. Наслаждайся бы ей, пока есть такая возможность... Пойдем, покажу тебе настоящий город. Тот, что не показывают туристам с круизных лайнеров.

Она повела меня не к площади Сан-Марко, а в противоположную сторону, в лабиринт одной из шести сестриере — Дорсодуро. Мы шли по узким калли, где балконы почти соприкасались друг с другом, а развешанное белье образовывало разноцветные арки. Из открытых окон лились звуки оперы, крики детей и запахи жареных морепродуктов приятно щекотали нос. Эли говорила без умолку, показывая то спрятанный в арке крошечный магазинчик старинных книг, то двор-колодец, где в полумраке бил старый мраморный фонтан.

— Видишь этого льва? — она указала на стершуюся от времени скульптуру на углу здания. У льва вместо головы был странный, плавный выступ, как будто ее кто-то намеренно сбил.

— Легенда гласит, что это не лев, а морской змей, которого усмирил сам святой Марк. Говорят, если приложить ухо к камню в полночь, можно услышать, как плачут под водой утонувшие в каналах девы.

Рассказывала это Эли таким будничным тоном, будто делала это уже не впервые. Настоящий экскурсовод.

Мы вышли к небольшому рынку у церкви Сан-Барнаба. Палатки ломились от овощей, рыбы, сыров. Эли остановилась у лотка со старинными безделушками: монетами, ключами, треснувшим фарфором.

— Смотри-ка, — она взяла в руки небольшой бронзовый медальон в форме крылатого льва. — Венецианский талисман на удачу. Говорят, такие носили гондольеры, чтобы не сбиться с пути в тумане.

Продавец, полный мужчина с лукавыми глазами и седыми бакенбардами, сразу оживился.

— Ah, signorina! Occhio buono! — воскликнул он. — Это редчайший экземпляр! Середина шестнадцатого века! Принадлежал лично одному из капитанов Арсенале! Видите печать? — Он указал жирным пальцем на невнятный оттиск.

Эли перевернула медальон в руках, не поднимая глаз.

— Правда? — ее голос стал мягким, немного насмешливым. — Шестнадцатый век? Неужели?

— Клянусь здоровьем моей матери! — продавец приложил руку к груди. — Триста евро — и он ваш! Для такой прекрасной знатной девушки — специальная цена!

Эли медленно подняла на него глаза. И ее взгляд изменился. Стал холодным, острым. Она положила медальон обратно на прилавок.

— Вы знаете, что самое интересное в голосе? — спросила она тихо. — Микротрещины. Когда человек лжет сознательно и с азартом, его голосовые связки напрягаются особым образом. Появляется легкая, едва уловимая хрипотца на средних тонах. Как скрип несмазанной дверцы. — Она наклонилась чуть ближе к прилавку. Продавец замер, его улыбка застыла. — А еще есть обертоны страха. Когда врешь и боишься быть пойманным. Они звучат как высокий, тонкий звон разбитого стекла где-то далеко-далеко. У вас сейчас в голосе есть и то, и другое. Этот кусок бронзы отлили в прошлом году в мастерской на Мурано. Следы литья затерли кислотой и вот этой грязью, — она провела пальцем по темному налету на медальоне и показала ему черный след. — Обычная земля с добавлением кофейной гущи. Вы платите за это пять евро за штуку оптом, я знаю вашего поставщика. Триста евро? Даже для недалекой «знатной девушки» это слишком за эту железку.

Наступила тишина. Продавец побледнел, потом покраснел. Он открыл рот, но не издал ни звука. Эли повернулась ко мне, и на ее лице снова расцвела беззаботная улыбка.

— Пойдем. Здесь пахнет дешевым надувательством. А я знаю, где подают лучшее мороженое в городе.

Мы ушли, оставив продавца в состоянии, близком к кататонии. Я шла рядом с Эли, пораженная до глубины души ее выступлением.

— Как ты... — начала я.

— Сказала же, я специалист по акустике, — она пожала плечом, засовывая руки в карманы куртки. — Голос — это открытая книга. Просто нужно уметь читать.

— Но ты же не могла знать про поставщика...

— Догадалась. У всех этих лоточников один и тот же источник. Дело не в знаниях, а в логике и внимании. И в том, чтобы не бояться назвать ложь ложью.

Мороженое мы ели, сидя на ступеньках у канала, свесив ноги почти к самой воде. Джелато действительно было божественным: фисташковое, с кусочками настоящих орехов, и тем-

ный шоколад с перцем чили. Эли, облизывая ложку, продолжала свой импровизированный экскурс в мистическую Венецию.

— Вот видишь тот дворец с зелеными ставнями? — она кивнула через канал. — Там в семнадцатом веке жил алхимик. Говорят, он искал способ оживлять мертвецов с помощью энергии лунного света, отраженного в воде каналов. И однажды ему это удалось. Но то, что вышло из его лаборатории, было не человеком, а чем-то вроде тени с зубами. Она сожрала его, а потом растворилась в тумане. С тех пор около этого дворца после заката стараются не ходить. Говорят, иногда слышно, как что-то шуршит во мраке двора, клацая зубами.

Я слушала, завороченная, и чувствовала, как по спине бегут мурашки. Солнце припекало, туристы смеялись на гондолах, а ее слова ложились на реальность как второй, темный слой.

— А ты сама веришь в это? — спросила я наконец.

Эли задумчиво посмотрела на свое отражение в мутной воде.

— Венеция построена на костях и страхе. Здесь каждый камень помнит больше, чем любой историк. А сколько всего скрыли от простых людей? Официальная история — это лишь крупница всех знаний. И то... Искажённых. Верить или нет — неважно. Важно уважать легенды. Они, как и голоса, несут в себе правду. Пусть и не буквальную.

Мы пошли дальше, к площади Сан-Марко, но не через главный вход, а через узкую арку. И здесь нас перехватили.

Две девушки, чуть постарше нас, вышли из-за угла. Обе были ярко, даже вызывающе красивы: длинноволосые, с идеальным макияжем, в дорогих, но демонстративно небрежных нарядах. Узнав Эли, они обменялись красноречивыми взглядами.

— Oh, guarda chi si rivede! (Смотри, кто вернулся!), — сказала одна, с губами, накачанными до состояния вечного недовольства.

— Senza il suo bel fratellino? Che peccato (Без своего красивого братца? Какая жалость), — вторила вторая, играя массивной серьгой-кольцом.

Эли замерла. Ее расслабленность мгновенно испарилась, сменившись холодной, собранной энергией, как у кошки перед прыжком.

— Джорджия. Франческа. Как поживают ваши... амбиции? Все еще мечтаете заполучить приглашение в Академию? Или пока ограничиваетесь охотой на моих родственников?

Девушки нахмурились.

— Ты о чем? — фыркнула Джорджия.

— О том, что вы обе уже полгода пытаетесь через общих знакомых выйти на моего брата. И о том, что вы трижды подавали документы в Академию Карлотты. И трижды получали отказ. Неудивительно, что вы злы. Но направлять свою злость на меня — глупо. Я вас даже путаю, а уж Арчи — давно.

— Ты!... — Франческа сделала шаг вперед, но Эли даже не пошевелилась. Просто подняла стальной взгляд и девушка невольно отступила.

— Элиза Кастелли. Какая же ты хамка. Да, у твоего брата нет минусов. Потому что самый главный минус вашей семейки — это ты.

— Советую закончить наш разговор на этом, — произнесла Эли с натянутой вежливостью. — У меня важная миссия — знакомить нашу новую студентку с городом. А вы нам мешаете. И, вообще, омрачаете общее впечатление о городе.

Она подчеркнуто повернулась ко мне спиной, демонстративно игнорируя их. Девушки постояли, что-то прошипели друг другу на диалекте, который я не поняла, и, бросив на нас гневные взгляды, удалились, громко топая каблуками по камню.

— Прости за этот спектакль, — сказала Эли, когда они скрылись из виду. Ее плечи слегка опустились. — Они помешанные на моем брате. Блондин с голубыми глазами для здешних краев — экзотика. А он еще и... дружелюбный со всеми. Вот они и сходят с ума. А на меня

злятся, потому что я отказалась от их навязчивой дружбы. Хотели так через меня к нему подбраться.

Она говорила это с усталым раздражением, но в последней фразе прозвучала какая-то странная, горькая нотка.

Мы погуляли еще немного, но настроение было уже не то. Эли взглянула на часы и вдруг оживилась.

— Блин, я совсем забыла! У меня же есть дело. Срочное. — Она вытащила из кармана проездной и сунула мне в руку. — Лови. Ты справишься. Садись на вапоретто номер пять у моста Риальто, оно идет прямо к твоему острову. Не пропусти остановку. И не заблудись! До скорой встречи!

И прежде чем я успела что-то сказать, она уже растворялась в толпе, легкая и стремительная, как тень.

Я осталась одна. Сумерки сгущались быстро, как будто кто-то вылил в небо фиолетовые чернила. Я нашла нужную остановку. Вапоретто пришло почти пустым: пара туристов с фотоаппаратами и пожилая пара, молча державшаяся за руки. Я села на корме, подальше от всех, и смотрела, как огни города зажигаются один за другим, отражаясь в черной воде.

С каждой остановкой пассажиров становилось меньше. Туристы сошли у площади Сан-Марко. Пожилая пара — на какой-то тихой пристани. Когда мы вышли в открытую лагуну, в салоне осталась только я и пожилой кондуктор, дремавший в своей будке.

Шум мотора, плеск воды о борт — все это лишь подчеркивало пустоту, здорово убаюкивая. Я обняла себя за плечи, внезапно почувствовав холод. Огни нашего острова были еще далеко, лишь тусклое желтое пятно на горизонте.

Вапоретто замедлило ход, причаливая к очередной остановке — небольшой деревянной пристани у темного, неосвещенного берега. Казалось, это место было заброшенным. Но на пристани стояли двое.

Мужчины. Молодые, уже изрядно подвыпившие. Они вошли на борт, пошатываясь, громко смеясь и что-то выкрикивая на местном диалекте. Запах дешевого вина и пота донесся до меня сразу. Кондуктор пробурчал что-то недовольное, но не стал вмешиваться.

Мужчины заметили меня. Их взгляды, мутные и наглые, поползли по мне.

— Eh, guarda che bella solitaria! (Эй, смотри, какая красotka одна!) — сказал один, пошире, с татуировкой на шее.

— Vuoi compagnia, bellezza? (Хочешь компании, красotka?) — второй, помоложе, с пьяной ухмылкой, сделал шаг в мою сторону.

Ледяной ком страха встал у меня в горле. Я вжалась в сиденье.

— Non disturbatemi. Lasciatemi in pace, — сказала я, стараясь, звучать уверенно.

Они переглянулись и рассмеялись еще громче.

— Straniera! Russa? Polacca? (Иностранка! Русская? Польша?)

Они приблизились. Я встала, отступая к самому краю борта. За спиной была только черная вода лагуны.

— Отстаньте, — выдохнула я по-русски, уже не рассчитывая, что меня поймут. — Идите вы к черту.

Они, конечно, не поняли. Но тон моей речи их только раззадорил. Тот, что пошире, протянул руку, чтобы коснуться моей пряди волос.

— Morbida... (Мягкие...)

Я резко отпрянула, больно ударившись локтем.

— Оставьте меня в покое, придурки!

И в этот момент на вапоретто ворвался кто-то третий. Он вбежал так стремительно, что я даже не увидела, откуда он взялся. Просто возник, как призрак, между мной и пьяницами. Высокий, в темной толстовке с капюшоном, натянутом на голову.

— FUORI! — прогремел его голос. Низкий, хриловатый, но полный такой неоспоримой ярости, что оба мужчины вздрогнули и отшатнулись. — Fuori da questo battello, prima che vi spezzi le gambe e vi butti a nutrire i granchi! Andate! SUBITO! (Вон! Вон с этого катера, пока я не сломал вам ноги и не скормил крабам! Валите! СЕЙЧАС ЖЕ!)

Он говорил бегло, с ядовитым, шипящим венецианским акцентом. И в его позе, в сжатых кулаках, в самом появлении было что-то настолько опасное, что пьяная бравада двух мужчин испарилась мгновенно. Они что-то пробормотали, развели руками и, пятась, почти вывалились обратно на пристань. Вапоретто, не дожидаясь, с грохотом отошел от берега.

Незнакомец неспешно повернулся ко мне. И сбросил капюшон.

Молодой, лет двадцати пяти. Волосы темно-рыжие, густые, непокорные, будто их нигде не касалась расческа. Лицо — с резкими, дерзкими чертами: высокие скулы, твердый подбородок, насмешливый взгляд. В носу и в брови поблескивали маленькие серебряные штанги. А глаза... глаза были ярко-зелеными, как у Эли, но в них не было ее скрытой глубины. Они горели открытым, наглым любопытством. И сейчас они смотрели на меня с таким пристальным вниманием, будто пытались заглянуть в самую душу.

— Allora sei così... (Так вот ты какая...) — произнес он на итальянском, и его губы тронула ухмылка.

Я, все еще дрожа от адреналина, попыталась собраться.

— Scusi? (Простите?)

Незнакомец рассмеялся — коротко, только плечи дернулись. И перешел на безупречный английский с легким американским акцентом.

— А я-то думал, какой ты будешь. Блондинкой? Брюнеткой? Высокой, красивой ли?... — Его взгляд скользнул по моим волосам. — И все-таки блондинка. Натуральная, если не ошибаюсь... Здесь мало натуральных блондинок. Особенно таких... Северных.

Он сделал шаг ко мне. Я отступила, наткнувшись спиной на поручень.

— Не подходите, — сказала я четко.

— Боишься меня? — ухмылка парня стала шире.

— Нет. Просто не люблю, когда нарушают мои личные границы.

— А, границы? — он поднял брови, делая вид, что поражен. — Как это мило. По-северному... Ну ладно. Не буду... пока.

Он прислонился к противоположному поручню, скрестив руки. Но его глаза не отпускали меня.

— Кто вы? — спросила я, настороженно оглядывая его. — И откуда вы меня знаете?

— Знаю? Дорогая, я знаю о тебе все. — Он вытянул слово «все», наслаждаясь моим замешательством.

— Это невозможно.

— Александра Риверсова. Внучка знаменитой и неповторимой Карлотты ди Квези, которую так долго прятала в холодной России. Сложно не узнать такую. Тем более, что новости разносятся быстро в наших... кругах. И зачем же ты пряталась все эти годы? Такая жемчужина.

Он снова сделал движение, будто собираясь протянуть руку и коснуться моих волос. На его пальцах было несколько металлических колец. Я инстинктивно шлепнула по его руке.

— Руки убери от меня! — вырвалось у меня по-русски, от злости и остаточного страха.

И тут произошло невероятное. Незнакомец усмехнулся и ответил. На ломаном, с ужасным акцентом, но все-таки понятном русском:

— Прости. Уж слишком хороша. Руки так и тянутся потрогать.

И подмигнул.

У меня отвисла челюсть.

— Вы... Вы знаете русский? Откуда?

Он стянул капюшон совсем, провел рукой по своим огненным волосам и кивнул на лавочку в глубине салона.

— Присядем? Все-таки плыть еще минут десять. А стоять как-то не хочется. Я за день и так набегался.

Я, все еще в ступоре, медленно опустилась на сиденье. Он сел напротив, развалившись, положив ногу на колено.

— Отвечаю на твой вопрос. — он продолжил наш разговор уже на английском. — Мама у меня русская. Из Москвы, кстати. Папа — ньюйоркский боец за все хорошее, пока не спился. Я учил русский с детства, чтобы разговаривать с родственниками. Получилось так себе, как ты слышала. А зовут меня Энсел. Энсел Коллинз. Рад встрече, наконец.

Он протянул мне руку для рукопожатия. Я колебалась секунду, потом все-таки пожала ее. Его ладонь была теплой, но кольца холодили кожу.

— А теперь мой вопрос, — сказал Энсел, не отпуская мою руку сразу. — Как тебе наш город? Уже успела налюбоваться на гондолы и посмотреть на туристический развод на площади Сан-Марко?

— Я была со знакомой бабушки. Она многое мне показала за день.

При упоминании «знакомой» в глазах парня мелькнула искорка интереса.

— Это ты про Эли? Ну, с ней скучно не бывает. Хотя я думаю, я мог бы показать тебе кое-что поинтереснее этих развалин в воде.

— Ты бы показал мне что-то другое? Вид сверху или под водой? — я не удержалась от сарказма, наконец-то чувствуя почву под ногами.

— Еще бы, — он усмехнулся. — Эли слишком поглощена своей новой должностью у Карлотты. Она видит город как набор улик и потенциальных угроз. А я... я вижу его как бесконечный карнавал. Со своими темными уголками, конечно же. Но в темноте, знаешь ли, всегда веселее.

Очередная реплика исполненная загадочности. Надо бы перевести тему и дождаться уже своей пристани.

— Вы тоже учитесь в Академии Карлотты? — спросила я, игнорируя его последнюю реплику. Не знаю, почему я до сих пор с ним на Вы... Наверное, так удобнее держать границы.

— Учусь? — он фыркнул. — Пожалуй, да. Если можно назвать учебой постоянные споры с твоей бабушкой о методах, этике и о том, как часто можно нарушать ее драгоценные правила. Я у нее, что называется, «проблемный студент». Но талантливый. Очень.

— И вы изучаете тоже... акустику? — я намеренно использовала слово Эли.

Энсел засмеялся уже по-настоящему, громко и вызывающе.

— Боже, нет! Я занимаюсь гораздо более практичными вещами. Энергией. Резонансом материи. Тем, как можно... настроить одну реальность на другую. Это сложно объяснить. Проще показать. Как-нибудь, если захочешь.

Его тон был игривым, но за словами чувствовалась серьезность.

— А почему вы так... вовремя появились на вапоретто? — спросила я, глядя на него. — Следили за мной?

— Следил. — он одобрительно щелкнул языком. — С того момента, как ты распрощалась с Эли. Любопытно было взглянуть на «наследницу» Карлотты.

Меня снова пробрала дрожь, но теперь не от страха, а от гнева.

— Посмотрел?

— Вдоволь. Знаешь, Карлотта бы меня убила, если бы с ее внучкой что-то случилось в первый же день самостоятельной вылазки в город. Хотя, — он наклонился ко мне, и его глаза заиграли зловещими бликами в свете тусклых ламп салона, — эти два болвана были наименьшей из опасностей, которые здесь водятся. Ты еще не видела, что иногда выплывает из каналов по ночам, когда туман стелется особенно густо.

Он говорил это, чтобы напугать, и это действовало. Я отвернулась, смотря на приближающиеся огни моего причала.

— Мне кажется, мне пора, — сказала я сухо.

— Кажется, да, — Энсел встал, потянулся, и его толстовка задралась, открыв полоску плоского живота и татуировку — узор, похожий на схему из каких-то букв, которых я ранее нигде не видела. — Ну что ж, миссия выполнена. Принцесса доставлена в замок.

— Так это было поручение моей бабушки? Проводить меня?

— Не совсем. Весточку мне кинула Эли. Но я, как хороший человек, конечно, не скажу Карлотте, что мне пришлось доделывать ее работу.

Вапоретто причалило с мягким стуком. Я быстро вышла на пристань. Энсел последовал за мной, но остался на борту, оперевшись о поручень.

— Знаешь, — окликнул он меня. Я обернулась. — Не благодари меня за спасение. Не стоит. Мне было весело поболтать.

— Я и не собиралась, — буркнула я.

Он рассмеялся.

— Хорошо. И номер телефона я тебе давать тоже не буду. Не проси. И так скоро увидимся. В Академии. А пока... не скучай. И смотри под ноги. Камни здесь... очень скользкие.

Энсел подмигнул в последний раз. Вапоретто зарокотало и стало медленно отходить от берега. Я стояла и смотрела, как его фигура в капюшоне уменьшается, сливаясь с темной лагуны.

Только когда огни катера растворились вдали, я вздохнула полной грудью и почувствовала, как напряжение в теле наконец-то отпускает. Я повернулась и пошла по темной дороге к освещенным воротам палатки. В голове гудело от переполнявших новых эмоций: страх, злость, недоумение и... проклятое любопытство.

Кто все эти люди? Эли, ее брат, этот Энсел... Что за Академия, где учат «акустике» и «резонансу материи»?

Я шла, и мне казалось, что за мной наблюдают. Не просто Энсел или кто-то еще. А сам город. Его древние, сырые камни. И его темные воды, хранящие бесчисленные секреты и шепчущие их тому, кто умеет слушать.

А я все еще только училась слышать саму себя. И, похоже, уроки были куда опаснее, чем я могла представить.

Глава 4

Утром меня разбудил не звонок будильника, а лёгкое прикосновение к плечу. Я вздрогнула и открыла глаза. В сумраке комнаты, озарённой лишь первым сизым светом за окном, стояла бабушка Карлотта. Она была уже одета в строгий костюм цвета зеленого стекла, её седые волосы убраны в пучок. От неё пахло мылом и лавандой.

— Сашулька, пора. Сегодня твой первый день в Академии.

Я села, протирая глаза. В голове ещё стоял гул вчерашних впечатлений — тёмная вода лагуны, наглые глаза Энсела, его слова, как неразгаданная угроза.

— Я уезжаю на совещание преподавателей, — продолжала бабушка, но уже голосом командира. — Барнаби доставит тебя на катере прямо к зданию Академии. Завтрак тебе подадут внизу. И передадут форму.

Она повернулась к двери, но на пороге задержалась.

— И, Саша... Будь осторожна в выборе себе новых друзей. Многие захотят дружить с тобой из-за родства со мной. Ты же понимаешь...

— Да, бабушка. Не волнуйся за это.

— Хорошо.

Дверь закрылась бесшумно. Я осталась одна в огромной комнате, где утренний свет медленно отвоевывал пространство у теней. «Будь осторожна в выборе друзей». Её слова отозвались во мне странным эхом, смешавшись с гулом, который снова начал нарастать в висках — тихий, но настойчивый, будто отзвук далёкого колокола.

Форма оказалась прекрасной. Не просто униформа, а настоящее произведение портновского искусства. Платье-футляр кремового цвета из плотного, приятного на ощупь льна, с длинными рукавами и небольшим разрезом сбоку. На левой стороне груди была вышита золотая эмблема — стилизованный крылатый лев, но не геральдический, а более древний, словно выплывающий из воды. Он обвивал лиру, и весь узор отливал на свету блеском. Форма сидела на мне идеально, наверное, была сшита на заказ. В зеркале я увидела не себя, а кого-то другого — строгую, собранную студентку, принадлежащую этому месту. Это было одновременно и лестно, и пугающе.

Барнаби ждал меня у маленькой частной пристани за садом, где на воде покачивался изящный катер с тёмно-зелёным корпусом и полированным деревом. Он помог мне ступить на борт, его движения были чёткими и элегантными.

— Мисс Александра. Приятного первого дня в Академии.

Мотор заурчал, и мы плавно отошли от берега, оставив позади укрытый туманом остров. Лагуна в этот час была пустынна и молчалива. Лишь чайки нарушали тишину своими пронзительными криками. Барнаби стоял у штурвала, совсем неподвижный, его профиль был обращён к приближающемуся силуэту Венеции.

Академия открылась мне не сразу. Сначала я увидела лишь высокую стену из тёмного кирпича, уходящую прямо в воду. Потом показались ворота — массивные, кованые, с теми же водяными львами на створках. За ними открывался внутренний канал, ведущий в сердце комплекса. Барнаби мастерски провёл катер под низкими арками мостов, и вот мы пришвартовались у широкой мраморной лестницы, уходящей вглубь здания.

Сама Академия была не просто старинной. Она была древней. Её стены, сложенные из грубого облупившегося камня, местами поросли мхом и папоротником. Окна — высокие, стрельчатые, с переплётами из чёрного металла. Но это была не готика соборов, а что-то более старое, более тяжёлое, будто здание выросло из фундамента самого города, впитало его трагедии и тайны. Здесь сильнее пахло сыростью, а ещё слабым, едва уловимым ароматом сушёных трав.

Меня встретили кураторы студентов по обмену — мужчина и женщина в таких же кремовых формах, но с серебряными нашивками. Их лица были приветливыми, но глаза оценивающими. Они выдали мне карту кампуса, расписание, электронный пропуск. Кампус оказался огромным: несколько внутренних дворов-колодцев с колодцами и фонтанами, сады, где росли кипарисы и лавры, даже собственный небольшой парк с гротом. Были библиотеки, лаборатории, спортивный комплекс. И везде — студенты. Они двигались группками или поодиночке, их кремовые одежды мелькали в полумраке галерей. Никакого шума, никакого смеха. Тишина. Та самая, о которой говорила Эли. Но здесь она была иного качества — напряжённой знаниями, насыщенной незримым вниманием.

Моя первая пара — «История и теория искусства Ренессанса» — проходила в аудитории на третьем этаже, в крыле, выходящем окнами на внутренний двор с кипарисами. Я вошла одной из последних. Комната была обшита тёмным дубом, скамьи амфитеатром спускались к кафедре. Уже сидело человек двадцать. Я почувствовала на себе десятки взглядов — быстрых, любопытных, у некоторых откровенно враждебных. Я опустила глаза и пошла искать свободное место.

— Привет, я присяду? — тихий, мелодичный голос прозвучал справа от меня.

Я обернулась. Девушка с огненно-рыжими волосами, собранными в небрежный пучок, с веснушчатым лицом и тёплыми карими глазами улыбалась мне, указывая на место рядом. Я с облегчением опустилась на скамью.

— Да, конечно. — я с улыбкой протянула ей руку. — Я Саша.

— Луна, — её ладонь была мягкой, но в рукопожатии чувствовалась сила. — Я из Лондона. А ты?

— Из Петербурга.

— О, город на воде! Значит, чувствуешь себя здесь почти как дома? — её глаза заискрились доброжелательным интересом. — Не переживай, тут все сначала кажется жутковатым. Как в монастыре для избранных. Но потом привыкаешь. Особенно к тому, что половина преподавателей считает, что они прямые потомки Леонардо да Винчи или, того хуже, самих дождей Венеции.

Я не смогла сдержать улыбку. Луна оказалась тем самым лучом нормальности, в котором я отчаянно нуждалась согреться.

В аудиторию вошла профессорша — высокая, худая женщина лет пятидесяти с лицом аскета и пронзительным взглядом. Её звали профессор Моренти. Она без предисловий начала лекцию, но через пятнадцать минут неожиданно прервала себя.

— Поскольку у нас сегодня есть новые лица, предлагаю представиться. И ответить на вопрос: почему вы выбрали этот курс? Что вы надеетесь здесь найти, кроме зачётных единиц?

Студенты начали называть имена и выдавать заученные ответы про «понимание красоты», «культурный код эпохи» и «инвестиции в эстетическое развитие». До меня очередь дошла, когда я уже почти сформулировала в голове что-то подобающе умное.

Я встала, чувствуя, как под взглядами присутствующих нагреваются щёки.

— Меня зовут Александра Риверсова. Я из Петербурга. Я надеюсь здесь найти... — я запнулась, и тут мои глаза случайно встретились со взглядом Луны. Она незаметно подмигнула. — ...Найти не просто знания об искусстве, а ключ. К тому, как художники прошлого видели и зашифровывали в красках и формах не только мир видимый, но и невидимый. Ту... инаковость, что всегда рядом с нами.

В аудитории на секунду воцарилась тишина. Профессор Моренти прищурилась, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Но прежде чем она что-то прокомментировала, дверь в аудиторию с грохотом распахнулась.

В проёме, залитый светом из коридора, стоял Энсел.

Он был в той же кремовой форме, но на нём она выглядела кощунством. Воротник был расстёгнут, галстук болтался где-то на груди, рукава засучены до локтей, обнажая татуировки каких-то странных знаков. Его рыжие волосы были взъерошены, в ноздре поблёскивала серебряная штанга. Он вошёл, неспешно, с наглой, вызывающей улыбкой, будто был хозяином положения.

— Простите за опоздание, профессор. Задержали неотложные дела. Мирового значения, сами понимаете.

Моренти побледнела от гнева. Её тонкие губы сжались в белую ниточку.

— Мистер Коллинз! Вы опаздываете на мои лекции с завидным постоянством. И ваше «мировое значение» обычно сводится к оттачиванию навыков по нарушению академического регламента.

— О, профессор, вы слишком строги ко мне, — Энсел парировал с притворной скорбью, но его глаза смеялись. Он прошёл вглубь аудитории, его взгляд скользнул по студентам, задерживаясь на некоторых девушках, которые тут же начали поправлять волосы. Потом он увидел меня. Его глаза вспыхнули знакомым наглым огнём, но тут же погасли. Он сел на задний ряд, развалившись с сокрушительным вздохом.

Профессор Моренти, явно раздражённая, но не желая тратить на него ещё больше времени, кивнула мне.

— Продолжайте, мисс Риверсова.

Я, сбита с толку его появлением, с трудом собрала мысли в кучу.

— Я... верю, что искусство — это не только отражение, но и проводник. И я хочу научиться слышать то, что шепчут нам эти проводники сквозь века.

Я села. Профессор кивнула и вернулась к лекции. Но атмосфера в аудитории с приходом Энсела круто изменилась. Появилось напряжение. А его источник сидел сзади меня, и я физически чувствовала его взгляд, будто два горячих уголька припекали мне спину.

Профессор Моренти, видимо, решив отыгаться, стала забрасывать Энсела вопросами по теме лекции — о технике сфумато в работах Леонардо и её философском подтексте. К моему удивлению, он отвечал. Более того, отвечал блестяще. Цитировал трактаты, ссылался на малоизвестные эскизы, проводил параллели с алхимическими практиками того времени. Его ответы выходили далеко за рамки учебной программы, но в них чувствовалась не академическая зубрёжка, а живое, личное понимание.

— ...Таким образом, сфумато — это не просто технический приём, — вальяжно развалившись на скамье, говорил Энсел. — Это попытка ухватить саму дымку реальности, переход от материи к духу. Леонардо был не только художником. Он был тем, кто искал трещины в полотне бытия. И кто считает, что он их не находил?

Профессор Моренти скривила губы.

— Романтично, мистер Коллинз. Но не будем приписывать да Винчи оккультных мотивов, которых, как известно...

— А почему бы и нет? — парировал Энсел. — Взять хотя бы его современника, Боттичелли. После кризиса веры он ударился в мистицизм, и его поздние работы — те же «Клевета» или «Мистическое Рождество» — это чистой воды ересь, зашифрованная в аллегориях. Красивая, но опасная ересь.

Тут я не выдержала. Его тонкое, язвительное пренебрежение к Боттичелли, чьи работы я обожала с детства, задело меня за живое. Я обернулась на своём месте.

— Вы грубо упрощаете, — сказала я на всю аудиторию. Весь класс замер. — Боттичелли не ударился в мистицизм. Он искал примирение. Между своей верой, нео-платоническими идеями кружка Медичи и личной трагедией. «Клевета» — это не ересь. Это попытка разобрататься в природе лжи и истины через призму классических образов. И в этом его сила, а не слабость.

Наступила тишина. Энсел поднял брови, явно развлечённый. Его губы тронула улыбка.

— О? Кажется, у старины Сандро появилась защитница? Интересно. И на чём основана твоя... уверенность? На учебниках или на чём-то более личном?

— На способности видеть за формой содержание, — парировала я, чувствуя, как закипаю. — Вы говорите о трещинах в бытии. Боттичелли как раз показывал, как сквозь эти трещины может пробиваться свет. Искажённый, да. Но свет.

Мы смотрели друг на друга через несколько рядов скамей. В его глазах плясали весёлые огоньки. Профессор Моренти, к моему изумлению, не прервала нас. Напротив, на её лице появилось выражение живого интереса.

— Прекрасно, — произнесла она наконец. — Два противоположных взгляда, подкреплённые знанием. Это именно то, что нам нужно на этом курсе! — Она обвела взглядом аудиторию. — Внимание, задание. К следующей неделе вы разобьётесь на пары. Каждая пара выберет спорную фигуру или работу эпохи Возрождения и представит две противоположные точки зрения на неё. В формате дебатов. Оценка будет зависеть от глубины аргументации, знания материала и... искусства убеждения.

В классе прошелестел смешанный вздох — часть студентов обрадовалась, часть застонала. Профессор Моренти улыбнулась, и в её улыбке было что-то зловещее, будто она только что изобрела способ пытки.

— А откроет наши дебаты пара, которая уже сегодня продемонстрировала прекрасный полемический темперамент. Мисс Риверсова и мистер Коллинз. Тема — «Сандро Боттичелли: мистик или гуманист?» Мисс Риверсова защищает гуманистическое начало. Мистер Коллинз — мистическое и еретическое. Жду с нетерпением!

У меня внутри всё сжалось. Я медленно обернулась к Энселу. Он уже встал, собирая свои вещи с почему-то довольным видом. Звонок прозвенел, словно поставив точку в моём провале.

Как только профессор вышла, Энсел направился к выходу, но по пути остановился у моей парты. Он наклонился, уперев ладони в столешницу, и его лицо оказалось в сантиметрах от моего. От него пахло сигаретным дымом и мятной жвачкой. Я невольно отпрянула.

— Ну что, партнёрша, — хмыкнул он, пройдясь злорадным взглядом по моему лицу. — Готовься как следует. Я не собираюсь щадить тебя только потому, что ты внучка нашей начальницы. Напротив. — Он оскалился в улыбке, и в его глазах мелькнул настоящий, неподдельный азарт. — Это будет больно. И очень, очень весело.

Он выпрямился, и тут же к нему прилипли две девушки из первого ряда — обе брюнетки-итальянки, обе смотрящие на него с обожанием. Энсел лениво закинул руки им на плечи, что-то шепнул на ухо одной, потом другой. Те рассмеялись, мельком обернувшись на меня, и вся троица вышла из аудитории, оставив за собой шлейф дорогого парфюма и всеобщего внимания.

Я опустила голову на парту с глухим стуком.

— Ну и зачем я в это ввязалась? — простонала я.

Луна похлопала меня по плечу.

— Не переживай. С Энселом так у всех. Он как ураган — врывается, всех нервирует, а потом уходит, оставляя после себя разрушения и кучу обалдевших девиц. — Она понизила голос. — Он популярен. Очень. Богатая семья, опасная харизма, умён... и связан с самыми тёмными кругами Академии. Говорят, он практикует ту самую «прикладную энергетику», о которой Карлотта не любит распространяться. С ним лучше не пересекаться. Но, похоже, у тебя уже не вышло, Саш.

— Спасибо, успокоила, — вздохнула я. Но внутри, к своему ужасу, я чувствовала не только страх и раздражение. Там было и азартное щекотание. Вызов был брошен. И я никогда не умела отступать.

Глава 5

Остаток дня прошёл в знакомстве с кампусом, библиотекой (огромной, многоуровневой, с галереями, куда, казалось, не ступала нога человека уже сто лет) и ещё парой лекций. Луна оказалась моим гидом, её весёлая болтовня и искренний интерес ко всему на свете были бальзамом для моей измотанной психики.

Мы договорились встретиться с Эли в главной столовой — просторном зале с высокими сводами, где вместо окон были витражи с абстрактными узорами, напоминавшими то ли морские течения, то ли схемы резонансных частот. Эли уже ждала нас за столиком у дальней стены. Увидев Луну, она широко улыбнулась.

— О, ты уже нашла себе отличного гида! Луна, рада тебя видеть. Не растолковала ли ты уже нашей неофитке все самые постыдные тайны Академии?

— Только самые основные, — парировала Луна, садясь. — Что половина профессоров — скрытые алхимики, что в западном крыле водятся привидения бывших студентов, и что десерты тут отличные.

— На привидения можешь не рассчитывать, — фыркнула Эли, пододвигая мне тарелку с уже наложенной пастой. — А вот насчёт десертов она права.

Мы заговорили о первых впечатлениях. Я рассказала про урок и про злополучные дебаты. Эли скривилась.

— Энсел? О, он обожает такие спектакли. Он будет издеваться над тобой, дразнить, выставлять дурочкой... но если ты выступишь и дашь ему отпор, он, возможно, начнёт тебя уважать. Возможно. С ним никогда не знаешь.

— А он правда так... опасен? — спросила я.

Эли и Луна переглянулись.

— Он не опасен в том смысле, что ударит тебя или что-то такое, — осторожно начала Луна. — Но у него есть доступ к знаниям и практикам, которые... ну, они не для первого курса. Он играет с огнём. И иногда поджигает этим других.

— А ещё он обаятельный мерзавец, — добавила Эли с какой-то странной горечью в голосе. — Что делает его ещё опаснее.

Наша беседа была прервана внезапным замиранием Эли. Она сидела лицом к входу и её глаза вдруг расширились, потом сузились, сосредоточившись на чём-то позади меня. Я обернулась.

В дверях столовой стояла группа парней в спортивной форме — синие майки и шорты с вышитой эмблемой академического гребного клуба. Они были возбуждены, громко смеялись, вытирая полотенцами лица и шеи. Видимо, только что с тренировки.

И среди них был он.

Тот самый парень. Ночной бегун с лесной тропы. Высокий, с плечами пловца, светлыми, мокрыми от пота волосами. Его лицо, которое при лунном свете показалось мне скульптурным и холодным, сейчас было оживлённым. Он улыбался в ответ на шутку товарища, и эта улыбка преобразила его, сделав моложе, обаятельней.

Эли неожиданно встала и помахала ему рукой.

— Арчи! Иди сюда, чемпион!

Парень — Арчи — заметил её. Его улыбка стала чуть шире, но когда его взгляд скользнул на меня, сидящую рядом с Эли, что-то в его глазах дрогнуло. Та самая тень узнавания, которую я видела тогда, в темноте. Он что-то сказал своим друзьям и направился к нашему столику.

— Привет, — его голос был ниже, чем я ожидала, с лёгкой хрипотцой, будто от недавнего напряжения. — Сегодня я не особо чемпион.

— Не скромничай! — Эли игриво толкнула его плечом. — Знакомься, это Луна, а это Александра, внучка Карлотты. Саша, это мой брат, Арчи.

Он кивнул Луне. Его глаза встретились с моими. И в них не было наглости Энсела, ни весёлого интереса Луны. Был спокойный, изучающий взгляд. Как будто он не видел во мне новую студентку, а сличал с каким-то внутренним образом.

— Привет, — сказал он просто. Его итальянский акцент был мягче, чем у сестры, с лёгким оттенком севера.

— Привет, — выдавила я, чувствуя, как глупо краснею.

— Арчи, ты уже ел? Присоединяйся к нам, — предложила Эли.

Он покачал головой, ещё раз бросив быстрый взгляд на меня.

— Не могу. Нас ждёт разбор гонки. Но... увидимся. — Он сделал паузу, как бы что-то обдумывая. — Добро пожаловать в Академию, Александра.

Он кивнул нам всем, развернулся и ушёл, догоняя свою команду. Но прежде чем выйти из зала, он на секунду задержался у двери и обернулся. Наши взгляды снова встретились через всю длину столовой. Он быстро отвел глаза и исчез в коридоре.

— Ну? — Эли подперла подбородок рукой, смотря на меня с игривым интересом. — Что скажешь о моём брате? Впечатлил? Красавчик он у меня, да?

Я потупила взгляд в свою тарелку, чувствуя, как жар разливается по щекам.

— Он... очень спортивный.

Луна фыркнула.

— Спортивный. Это мягко сказано. Арчи Каstellи — это просто Аполлон, сошедший с фрески. И, между нами, самый недоступный парень тут. С ним никто не может по-настоящему сблизиться. Кроме Эли, конечно. Но ей просто повезло быть его любимой сестрой.

— Он просто стеснительный, — парировала Эли, но в её тоне прозвучала какая-то странная, защитная реакция. — И у него много чего на уме.

Я молча доедала пасту, но мысли мои были далеко. Они металась между дерзкой ухмылкой Энсела и глубоким, молчаливым взглядом его полной противоположности — Арчи. Два полюса. Две загадки.

Последняя пара нагнетала напряжение с самого начала. Лаборатория в подвальном крыле пахла формалином и старостью. Нам преподавали не «Основы биологического анализа», как значилось в расписании, а что-то ближе к «Некрохимии для начинающих». У дальней стены, рядом со шкафом, доверху забитым заспиртованными аномалиями, сидела девушка. Длинные смоляные волосы, чёрный водолазный свитер, узкие джинсы. Она внимательно разглядывала на телефоне только что сделанное селфи, на котором она с мёртвенно-серым выражением лица обнимала за плечи подвешенный учебный скелет. Затем она лениво сунула тонкую чёрную сигарету между костяных пальцев скелета, поднесла зажигалку. Щелчок, вспышка. Ещё один кадр для её мрачного архива.

— Это Скайлер, — тихо прошептала Эли, плюхаясь на соседний от меня стул. — Не обращай внимания. У неё... своеобразные отношения с жизнью.

Девушка неожиданно обернулась на нас. Её лицо было бледным, глаза — двумя черными бусинами. Она кивнула Эли, а её взгляд, тяжёлый и оценивающий, прополз по мне, будто фиксируя температуру, пульс, уровень страха. Ни тени приветствия.

Лектор скрипучим голосом, рассказывал о том, как по остаткам лимфы в старинном грунте можно определить, был ли художник болен сифилисом, и как это влияло на восприятие им перспективы. Жутко. Скайлер записывала, и её тонкие пальцы с чёрным лаком выводили в блокноте не только формулы, но и какие-то угловатые символы на полях.

За десять минут до конца лекции профессор бесшумно разложил перед каждым по листу.

— Диагностика восприятия. Десять минут. Без обсуждений.

Это не был тест. Это была ловушка для сознания. Нужно было не просто определить эпоху, а почувствовать источник повреждения: сырость, огонь, стресс... или нечто иное. Я уткнулась в лист, пытаясь отключить рациональное мышление и довериться интуиции, тому самому внутреннему гулу, что всегда был на заднем плане. Он нарастал, превращаясь в шум прибоя в ушах. И в этом шуме проступил образ. Не пятно краски. Чёткий силуэт Арчи на фоне ночного леса, а рядом с ним — его тень, живая, ползучая, не совпадающая с контурами его тела. Я резко зажмурилась, чувствуя, как по спине пробежали мурашки.

Я с силой ткнула карандашом в бумагу, выводя резкий, почти рвущий лист ответ: «Деструкция вызвана не внешним агентом, а внутренним резонансным диссонаансом. Носитель картины был в состоянии экстатического ужаса».

Прозвучал звонок. Мы вышли во внутренний дворик — каменный сад, где влажный воздух уже стелился туманом. Луна нервно теребила кончик своего рыжего хвоста.

— Блин, я, кажется, вообще ничего не поняла, — выдохнула она. — Написала какую-то ахиною про «энергетический вампиризм через портретную живопись».

Скайлер, прислонившись к стене, вздохнула.

— Оценки — это ничто. Песчинка в пустыне твоего существования. В конечном счёте, всё это прах.

Её голос был плоским, лишённым даже намёка на утешение. Констатация факта вселенской бессмысленности.

— Как у вас тут весело. Аж закурить захотелось.

Из-под тёмной арки, словно из самой гущи тумана, материализовался Энсел. Он шёл, засунув руки в карманы, и его рыжие волосы, казалось, впитывали последний серый свет дня.

— Хочешь затащить новых жертв в свое унылое болото, Скайлер?

Скайлер медленно перевела взгляд на Энсела.

— Всё, что ты говоришь и делаешь, лишь подтверждает моё интеллектуальное превосходство, Коллинз.

— Конечно, — отмахнулся он, но уголок его глаза дёрнулся. — Думай так и дальше.

— Почему подошел к нам? Твой элитный круг успел тебя выплюнуть в этом сезоне? — осведомилась Скайлер.

— Как они могут выплюнуть свою же основу?

— Видимо, потому что основа — это не ты?

Энсел замер. Его насмешливый взгляд растаял, сменившись чем-то другим — холодным, аналитическим. Он медленно обвёл нас взглядом.

— Знаете, я оставлю этот разговор для момента, когда мне будет настолько скучно, что захочется выколоть себе глаза. Было... познавательно.

Он сделал шаг к выходу.

— Уже сливаешься? — голос Скайлер прозвучал резко, как удар в его спину. — Не по себе стало в твоём уютном мирке вседозволенности?

Энсел обернулся. И на его лице не осталось ни тени от насмешки.

— Мой «мирок» видит дальше твоего запылённого сознания. Я вижу паттерны. Вижу, как всё связано. — Его взгляд скользнул по Луне, потом впился в меня. — Ты, новенькая, светлячок в этом болоте. Это мило. Но выбирай себе компанию получше в следующий раз.

Он резко развернулся и ушёл. Его шаги быстро затихли в каменных лабиринтах академии.

— Какой же он... исчерпывающий, — произнесла Скайлер, сощурившись.

— Хотя бы не полез спорить с нами и дальше, — вздохнула Луна.

— Ему это неинтересно. Ему интересно жечь напалмом, — поправила её Скайлер.

Я ещё чувствовала на себе его последний взгляд — вражеский, будто я сделала ему что-то плохое.

— Что с ним не так? — спросила я, не в силах сформулировать иначе.

Скайлер наконец оторвала свой безжизненный взгляд от стены и посмотрела прямо на меня.

— Всё. С самого рождения. В нём сломана важная деталь. Та, что отличает людей от... всего остального.

— И что это?

— ...Сострадание.

В этот момент из главных дверей потоком вывалилась группа студентов. Среди них, как два ярких пятна, были Арчи и какая-то кудрявая девушка. Она смеялась, запрокинув голову. Арчи нёс её розовую кожаную сумку, рассказывая ей что-то попутно. Но не расслабленно. Скорее... отстранённо. Как будто он физически был здесь, а мыслями — где-то далеко, в тех ночных лесах, где бегаёт один.

Что-то ёкнуло у меня внутри при виде него — остро и глупо. Я отвела глаза.

Эли, как раз вышедшая из соседней арки, скривила губы в гримасе, при виде своего брата. Она молча подошла ко мне, облокотившись о соседнюю колонну.

— Новая пассия моего братика. Мелоди Донати. Уже месяц пошел их «счастливых» отношений. Ее отец — король полиэстера с озера Комо. Малышка считает, что мир создан для её селфи. И как Арчи умудрился сойтись с этой... куклой?

Мы молча смотрели, как они сворачивают за угол. Арчи не оглянулся. Почему, собственно, он должен был? Я сжала пальцы, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Идиотка. Собралась тут в мистику и искусство окунаться, а сама — как все обычные девчонки, ревную симпатичного парня к его же девушке. И где тут вообще логика?

Барнаби ждал меня у пристани, его фигура сливалась с гранитной кладкой. Когда я шла по набережной, спиной ощущала чьи-то взгляды. Не любопытство новичков. Взвешивающий, изучающий взгляд хищников, оценивающих новую особь в стае. Шёпот неподалеку, похожий на шелест листьев: «Внучка Ди Квези... Русская... Интересно, что она унаследовала?...»

Я выпрямила спину, заставив себя идти медленно, будто мне некуда спешить.

Эли, уходя, сунула мне в руку смятый клочок.

— Мой номер. Если станет скучно в четырех стенах на выходных.

Её объятие было коротким, но в нём была теплота.

Лодка Барнаби рассекала воду, уже почерневшую, с легкой вечерней дымкой. Я сидела под тентом, и привычный гул в голове возвращался, но теперь это был не шум, а ритм, совпадающий со всплесками волн о борт. Усталость давила на веки, картины дня всплывали обрывками: пустые глаза скелета, холодный взгляд Энсела, отстранённый профиль Арчи...

— Объезжаем, мисс, — неожиданно прокомментировал маневр лодки Барнаби, слегка поворачивая штурвал. — На главном фарватере... нечто создало помеху.

Мы пошли вдоль дикого, неосвещённого берега. Воздух стал ледяным, запахло тиной, разлагающейся древесиной и... медью. Словно кровью. Гул превратился в болезненную пульсацию в висках.

И тогда я увидела её.

Не в воде. На воде. В трёх метрах от борта, там, где тень от нависших деревьев была гуще ночи, лежало лицо. Девичье. Молодое. Мокрые тёмные пряди волос струились вокруг, как водоросли. Кожа отливала бледностью лунного света. Глаза были закрыты. И из уголка слегка приоткрытых губ выплывала тонкая, непрерывная вереница крошечных пузырьков.

— Боже мой... Барнаби, — мой голос сорвался до шёпота. — Там... кто-то есть. В воде.

Но дворецкий даже не повернул головы. Его руки на штурвале лишь чуть сильнее сжали рукояти.

— Не смотрите туда. В лагуне много теней, мисс Александра. Некоторые из них лишь жаждут, чтобы на них смотрели. Не стоит этого делать.

— Но она... она прямо там!

Я не могла оторвать взгляда. И в этот момент её веки дрогнули и поднялись.

Глаз не было. Только влажные, перламутровые плёнки, отражающие тусклый свет наших бортовых огней. И они были направлены на меня.

Лицо не двинулось с места. Оно просто исчезло. Ушло под воду. На его месте осталось лишь рябящее, тёмное пятно, которое через секунду тоже растворилось.

Катер рванул вперёд так резко, что я едва удержалась на сиденье. Барнаби больше не говорил. Он молча вёл нас к огням палатки. Только когда мы уже причаливали, он заговорил.

— Здесь есть воды, мисс, которые лучше оставить в покое, — произнёс он, и его голос звучал не как предупреждение дворецкого, а как заклинание старого солдата, знающего, с какой тьмой воюет. — И есть взгляды, которые лучше не ловить. Они имеют привычку отвечать взаимностью. Спокойной ночи.

Он помог мне сойти и я почти бегом бросилась к дверям, чувствуя, как холодная, липкая паника обволакивает меня со спины. Лагуна за спиной лежала тёмной, беззвучной массой. Но её беззвучность теперь пугала меня. Она была полна глаз. И они теперь знали моё лицо. А в кармане, под тканью формы с вышитым золотым львом, лежала бумажка с номером. И я знала, что первое сообщение Эли будет не о моей скуке. Оно будет вопросом, вырванным из самой гущи ночного кошмара: «Что выплывает из каналов, когда туман густеет? И как заставить это не смотреть на тебя?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.